
**ЕЩЕ РАЗ О НАЧАЛЕ
ВРЕМЕНИ URBIS**
*(датировка начала Города
как проблема исторической
урбанистики)**

Участники обсуждения:

Журба О. И. (доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. О. Гончара)

Портнова Т. В. (кандидат исторических наук, младший научный сотрудник НДЛ истории Приднепровского региона кафедры историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. О. Гончара)

Чернов Е. А. (старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. О. Гончара).

Секретарь:

Леонова А. В. (магистр истории).

Журба О. И.: Поводом для организации нашего микросеминара послужила известная каждому из вас брошюра, в которой поднимаются вопросы и по конкретной истории нашего города, и в целом по проблемам исторической урбанистики¹. Как мне кажется, все это заслуживает обсуждения под углом зрения региональной истории. Так как в перспективе мы планируем представить материалы дискуссии для публики, то считаю уместным объяснить, почему мы собрались именно в таком составе. Не случайно рабочее название нашего семинара отталкивается от публикации Е. А. Чернова «Начало времени URBIS в истории Днепропетровска»². Т. В. Портнова — автор монографии, посвященной формированию современного городского пространства Екатеринослава³. В этом треугольнике, пожалуй, наиболее

* Материалы микросеминара на кафедре историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара.

¹ Датування міста як проблема історичної урбаністики: європейський та український досвід: Матеріали круглого столу 24 вересня 2008 р. / За заг. ред. В. Г. Панченка. — Д.: Герда, 2008. — 88 с.

² Чернов Е. А. Начало времени URBIS в истории Днепропетровска // Наддніпрянський історико-краєзнавчий збірник. — Д., 1998. — Вип. 1: Матеріали Першої міжрегіональної історико-краєзнавчої конференції (8–9 жовтня 1998). — С. 110–144.

³ Портнова Т. В. Миське середовище і модернізація: Катеринослав середини XIX — початку XX ст.. — Д.: Інновація, 2008. — 104 с.

скромным урбанистом является сам организатор семинара, который, хотя и не имеет специальных работ, посвященных проблемам датировки начала истории нашего города и исторической урбанистики, разделяет довольно устойчивый интерес к истории формирования в городской среде локальных историографических социумов. Проблематика, затронутая в упомянутой брошюре, вызывает и определенный интерес, и потребность высказаться в контексте «региональная история — региональная историография».

Как инициатор и организатор обсуждения предлагаю высказываться в свободной беседе-дискуссии, отталкиваясь от основной проблематики, по широкому кругу вопросов, вызванных не только проблемами урбанистики, но и региональной истории. Кстати, «объективности ради и точности для» замечу, что на самом деле, «провокатором» дискуссии являюсь не столько я и даже не участники круглого стола, по материалам которого была опубликована упомянутая брошюра, сколько сборник «Регіональна історія України», а в персонологическом плане — Ярослава Владимировна Верменич, пригласившая нас к сотрудничеству.

Хотел бы заметить, что мы с вами — современники особой историографической ситуации, характеризующейся, с моей точки зрения, дисциплинарным пограничным состоянием, в котором история городов, городской жизни становится предметом изучения в двух (как минимум) дисциплинарных дискурсах: историко-краеведческом и регионально-историческом. Отражением такого состояния и является организация инициированных Институтом общественных исследований круглых столов осенью 2008 г. в Киеве и Днепропетровске по наиболее актуальным проблемам урбанистики, в том числе и касающихся города.

Характерно, что эти собрания привлекли внимание не только и даже не столько местных, естественным образом заангажированных, специалистов, но и достаточно широкий круг историков, для которых прошлое Екатеринослава-Днепропетровска (Реплика **Е. А.**: Звучит концептуально!) стало не просто поводом «потусоваться», но и высказать принципиальные соображения по исторической урбанистике, методологии исторических исследований, в том числе в плане региональной истории. И поэтому этот микросеминар является для нас возможностью продолжить дискуссию, начатую Я. Верменич, В. Маслийчуком, А. Портновым, Н. Яковенко и другими...

Чернов Е. А.: Олег Иванович, я только хотел взять слово, как вот это напоминание о том, с кем мы продлеваем дискуссию, вызвало желание отказаться от участия в ней не столько в связи со значимостью авторитета названных имен, сколько с убежденностью, что живое высказанное слово, переданное затем в форме опубликованных текстов, намного богаче. Поэтому невозможность наблюдения за, условно говоря, мимикой, жестом, ситуацией, сложившейся в зале, лишает нас

понимания того контекста, который зачастую бывает важнее самого текста. И хотя издатели материалов дискуссии киевского круглого стола стремились, насколько об этом удастся судить, к максимальной точности, все же подозреваю, что если буду дискутировать, например, с Натальей Николаевной Яковенко, то на самом деле — с конспектом ее выступлений. Впрочем, высказанное мной имеет отношение не только к тому круглому столу, но и обращено к эвентуальным читателям материалов нашего семинара. Но чувствую по вашим взглядам, что этими оговорками не удастся ограничить своё выступление, поэтому позволю себе высказаться более содержательно.

Здесь уже О. И. — инициатор, или, как выяснилось, разбуженный инициативой Ярославы Владимировны Верменич, упомянул (обидно, что всуе) моё имя в связи с публикацией 1998 г., которая была выжимкой из доклада на конференции с очень характерным названием — «Перша регіональна історико-краєзнавча». Говорю «очень характерным» (или, как подсказывает О. И., симптоматическим), потому что в этом названии сознательно или подсознательно, на мой взгляд, и отражались те изменения в историографической ситуации, о которых уже высказался О. И. Симптоматическим признаком этих изменений для нашей научно-гуманитарной среды в последние десятилетия является вхождение в какую-нибудь новую проблематику через терминологическую интервенцию. Пожалуй, и вчера, и еще сегодня региональная история, по крайней мере, на отечественной почве, прививается или же средствами конформизма с историческим краеведением, или же принципиального отталкивания от него, тем самым демонстрируя вольно или невольно свою зависимость. В этом отношении особенно иллюстративным являются публикации наших российских коллег, позиционирующих себя как принципиальных «историков-регионалистов» — М. П. Мохначевой, С. И. Маловичко, Т. А. Бульгиной. Из этих публикаций, а также из непосредственного общения на конференциях, с одной стороны, отчетливо проявляется, что они остаются еще историко-краеведчески зависимы, хотя бы в своем стремлении избавиться от этой зависимости, с другой — историко-краеведческий дискурс, а еще более историко-краеведческий социум, выражаясь языком наших студентов, «достал их по полной программе». Наблюдения за украинской историографией могли бы дать подобные результаты с той лишь существенной разницей, что у нас это все проходит в более мягких, я бы сказал, в «малороссийских» формах, и даже принципиальные историки-регионалисты не проявляют в открытом виде стремлений не только интеллектуально, но и социально отмежеваться от исторического краеведения.

Не знаю, насколько адекватно я воспринимаю сигналы от вас, коллеги, но прочитываю в ваших глазах вопрос: в связи с чем и какая необходимость в рамках предложенной проблематики заставляет столь подробно останавливаться на взаимоотношениях реально

функционирующего исторического краеведения с еще достаточно эфемерной региональной историей, и уж воистину вы справедливы, коль считаете, что я незаслуженно нападаю на историков-краеведов. Если действительно такой вопрос возникает, а судя по отсутствию реплик, это так, то позволю себе, не дожидаясь озвучивания этих вопросов, попытаться дать на них ответ. На мой взгляд, сказанное мной об историографической ситуации имеет самое непосредственное отношение к обсуждаемой теме и могущих вытекать из нее вопросов; так как, по моему убеждению, все высказавшиеся участники на круглом столе в Киеве (насколько я могу судить это по публикациям) и представляют собой носителей двух выше названных вариантов субисториографического сознания, но, кажется, не демонстрируют готовности выйти на третий вариант, применив по отношению к историографической традиции (с историко-краеведческой доминантой в ней) старый испытанный «метод А. Ф. Македонского». В этой традиции настолько запутаны узлы, что их нужно «не развязывать, а разрубывать». На научном языке это можно было бы обозначить как утверждение новой парадигмы (парадигм)...

Портнова Т. В.: Евгений Абрамович, в Ваших высказываниях мне наиболее сомнительным показался тезис об отсутствии между краеведческой и академической традициями конфронтации в украинской историографии. По-моему, совсем наоборот..

Журба О. И.: У меня несколько иное представление о позиционировании участников дискуссии. Знаковым вопросом, свидетельствующим о функционировании, и быть может доминировании, еще одной «парадигмы», стал навязчивый вопрос одного из участников дискуссии о *точных, неоспоримых критериях* определения даты возникновения города для предоставления их местным властям с целью воздействия на общественное сознание. Такая активная общественно-политическая позиция продолжает настойчиво стимулировать обсуждения городской истории, в то же время являясь фактором давления на академическую позицию.

Е. А. говорил о специфике российской историографии, но в своем желании преодолеть историко-краеведческий подход украинская историография, как мне представляется, является более органичной и продвинутой. Региональная историография, например Вольни, Галичины, Закарпаття, демонстрирует специфическое видение истории, не искусственно сконструированное, а вызванное почвой. Поэтому мне представляется, что «украинский краевед» более «стихийный регионал», чем российский профессионал, позиционирующий себя как региональный историк. Проекты региональных историков, представленные в российском историографическом пространстве известными работами, например, А. Севастьяновой и В. Бердинских, носят характер осмысления целостного пространства отечественной историографии как механической совокупности фрагментов.

Чернов Е. А.: Олег Иванович, вы можете назвать, кроме себя, украинских историков, которые бы работали в ключе изучения целостного историографического пространства под региональным углом зрения?

Журба О. И.: Да, но скорее это делается стихийно, нежели методологически осознанно.

Чернов Е. А.: Тогда скажите, пожалуйста, являются ли правыми Ваши оппоненты, когда упрекают Вас в том, что реализуемый Вами подход способствует консервации элементов разрушенности украинской историографии, дискретности того процесса, который называется «история Украины»? Ведь в отличие от российских историков украинские стоят перед дилеммой — ткнут ли они целостное историографическое полотно из отдельных региональных лоскутков либо разрушают его? Этот вопрос стоит в связи с тем, что мы имеем дело с *конструируемой* украинской историографией, в отличие от уже *ставшей*, — российской...

Журба О. И.: С одной стороны, мы, кажется, рискуем подменить тему обсуждения, с другой, именно в этих вопросах и скрываются методологические ключи к пониманию подходов к началу «времени URBS». Поэтому попытаюсь дать ответы на поставленные вопросы.

Если иметь в виду наиболее радикальных оппонентов из круга Института археографии, в том числе и наших с вами земляков, то, безусловно, в своих инвективах в мой адрес они правы, точно так же, как правы они и иже с ними в не менее острых дискуссиях о начале истории Днепропетровска и других украинских городов с похожей исторической судьбой. Им можно позавидовать, так как в них синкретично функционируют идеологическое и научное мышление, позволяющее им ткать целостное полотно вменяемой ими нам «нашей истории». В то же время, за этим стоит неизбежное упрощение и обеднение многообразия истории вообще, а уж такой как украинская, — особенно.

Чернов Е. А.: Уважаемые коллеги, я выслушал высказанные вами соображения, которые позволяют мне продолжить высказываться по существу. Интересно, что вы солидарны в восприятии исторического краеведения как внеакадемического дискурса. И поэтому мое деление диспутантов на две группы вам кажется сомнительным, так как они все, несомненно, принадлежат, если не «душой», то уж «телом» точно, к академическому (читай — научному) сообществу, но в своих размышлениях я исхожу из принципиально иной дихотомии. Я не случайно говорю об историческом краеведении, а точнее об историко-краеведческом подходе, а не об историках-краеведах. И поэтому полагаю, что мы в настоящее время преимущественно имеем дело с двумя типами носителей субисториографического сознания, которые оба принадлежат к академическому научному дискурсу. Те, кто к нему не принадлежат, может быть, заслуживают особого

разговора и особой классификации. Поэтому вернусь к «принадлежащим». Те историки и не только, кстати, историки, а гуманитарии в целом, мыслящие в конкретном или в теоретическом вариантах (вернусь к обсуждаемой тематике) по вопросам исторической урбанистики и в частности урбанистического летоисчисления, мыслят или же историко-территориально, или же квалифицируют такого рода исходную позицию как глубоко ошибочную, и стараются её преодолеть в формах корректной дискуссии (а зачастую — не очень), прибегая к универсальной маркировке своих оппонентов: («ненаучный», «квазинаучный»). Сказанное имеет смысл, конечно же и в этическом отношении, однако не об этом в данный момент веду речь. Все дело в том, что над украинской историографией висит своеобразный «дамоклов меч», причем в ролях Прокруста и Дамокла выступают сами украинские историки, которые сформулировали в качестве основной «вади» всей малороссийско-советской историографии концепцию истории Украины как истории края. Соответственно, основная сверхзадача и заключается, в том числе и для противников «державницького» подхода, преодолеть этот историко-краеведческий угол зрения. Но тогда украинская история или то, что может быть к ней отнесено, и оказывается в прокрустовом ложе, в котором или же не помещается голова — «держжава», или нет места рукам, ногам и другим отросткам туловища — отдельным конкретно-историческим сюжетам, подходам. Это достаточно ярко проявилось в упомянутой нами дискуссии, связанной с датировкой начала родов. Принципиальный отказ от стремления к континуитету разрушает надежду на создание крепко дидактически сшитой истории Украины и её органических частей — территорий со своей урбанистической традицией. Пикантность историографической ситуации заключается еще и в том, что мы сталкиваемся с конфликтующими образами континуитетов: национально-государственного и локально-территориальных.

Принятие последней позволяет вписываться в современную европейскую историографию, но вредоносно влияет на идеологию целостности, единства, что, во-первых, вступает в противоречие с политико-идеологическим сознанием, наверное, значительной части носителей и выразителей этого подхода (о чем уже было сказано О. И.), а во-вторых, мешает проводить «внутреннюю грантовую политику», а значит, подрывает экономические устои и так не цветущей в этом отношении науки. И поэтому как в России, так и в Украине в терминах региональной истории, О. И., полемика, направленная против исторического краеведения, проводимая под флагом борьбы за научную чистоту, и есть проявление историко-краеведческой зависимости. Если воспользоваться известной формулой: «Мыслители и Казначей» (Данем), то местные «казначей» и прошлого, и настоящего готовы развязать муниципальные и спон-

сорские кошельки как здесь, так и везде под программы с историко-краеведческой идеологией, припорошенные современной научно-историографической пылью.

Не будем лицемерить, упомянутое неоднократно противостояние краеведов-некраеведов имеет свою глубокую экономическую подоплеку и поэтому, Т. В. и получается почти по Довлатову: «Советский? Антисоветский? Какая разница?», и чтобы эта разница была заметна, я и говорил о «методе А. Ф. Македонского», суть которого в данном конкретном варианте в четкой фиксации принципиально иных исходных методологических позиций, о чем, собственно говоря, в не столь пространном и радикальном виде и высказался в публикации 1998 года, где шла как раз речь о той проблеме, которая стала непосредственным предметом обсуждения киевского круглого стола осенью 2008 г. Во время его проведения, кстати, наш уважаемый коллега О. А. Репан попытался изложить свое видение сути предложенного мной подхода, что избавляет в значительной степени меня от необходимости останавливаться здесь на отдельных деталях, тем более что О. А. был и участником дискуссии, и соавтором сборника, и насколько я знаю, вы ознакомлены с ним (реплика **Т. В.**: А предполагаемый читатель знаком?). Учитывая, Т. В., интересы этого предполагаемого читателя, для которого сам сборник может быть труднодоступен, замечу, что в основе предложенных тогда соображений о подходах к изучению летоисчисления нашего города были апробированы некоторые идеи регионального исторического анализа, с которыми имели возможность ознакомиться читатели второго выпуска сборника «Регіональна історія України»⁴. А в контексте той публикации речь шла о том, что тогда не было названо, а сейчас считаю уместным назвать — сознательное применение ретроспективного взгляда на изучение этой проблемы. Суть этого взгляда в вопросе: начало истории какого города мы хотим обнаружить? (что, на мой взгляд, не было замечено О. А. Репаном, как кажется, и другими, например, М. Э. Кавуном). Более чем через десятилетие именно это мне представляется основным и значимым, что, выражаясь языком старых диссертационных диспутантов, я мог бы вынести на защиту в качестве основного тезиса, при этом осознавая, что ретроспективный взгляд пользуется самой дурной репутацией в академической науке...

Журба О. И.: Ключевым моментом в дискуссии об основании городов является, на мой взгляд, образ территориальной истории в сознании историков, а для украинских историков и отечественной урбанистики вообще — выбор идеального целостного, куда бы вписывались региональные украинские пространства. Можно утверждать, что украинские регионы — это постоянно меняющиеся,

⁴ Чернов Е.А. Региональная история и историософия // Региональна історія України. — К., 2008. — Вип. 2. — С. 59 — 66.

«плавающие» регионы, что связано с геополитическими изменениями и следующими за этим наслаивающимися интеллектуальными пластами, которые, например, в Южной Украине, не успевали устояться, законсервироваться, а находились в постоянно меняющемся, динамичном состоянии (Реплика **Е. А.**: И именно поэтому, возможно и не регионы). Если иметь в виду Ваше понимание термина, то вполне возможно.

Но, позволю себе не согласиться с утверждением об отсутствии ретроспективного подхода в изучении украинских городов. У каждого региона, территории, макрорегиона, — свои конкурирующие образы истории, формирующиеся на вполне ретроспективной основе. Поэтому часть диспутантов вписывает историю Екатеринослава в славное казацкое прошлое, другая часть накладывает европейские лекала на измерение датировки. На мой взгляд, самое интересное, не вдаваясь в детали дискуссии, — то, что все эти подходы могут быть в определенных методологических координатах оправданы, за исключением одного — позиции принципиальной историографической глухоты. С другой стороны, механическое соединение этих позиций невозможно (Реплика **Е. А.**: На практике это возможно на пленарных заседаниях!), поэтому осмысление стратегий изучения «начала времени URBS» представляется научно актуальным, а значит использование таких терминологических неологизмов, как, например, «предгородская история», «нереализованный урбанистический потенциал» в контексте с Кодаками, Половицей, Старым Самаром и другими поселениями-претендентами на начало нашего города, можно, с моей точки зрения, характеризовать как движение в сторону формирования эффективной научной стратегии...

Портнова Т. В.: Мне показалось, что лейтмотивом этого сборника стало утверждение того, что проблема датировки городов всегда является идеологизированной. И ретроспективный подход будет воспринят именно под этим углом зрения. К тому же, представляется, что ретроспективный подход, применяемый по отношению к истории конкретных городов по своей сути — контр-ретроспективный, что и является как раз иллюстрацией слов Е. А. о конфликтующих образах континуитетов. Вместо того, чтобы переносить на прошлое карту современной Украины, сторонник региональной истории обращает внимание на регионы, не всегда с этими границами совпадающие...

Чернов Е. А.: Уважаемые коллеги, когда я говорю о ретроспективном методе, то имею в виду, что в нашу эпистемологическую эпоху на метод может претендовать в науке только осознанное, отрефлектированное. Поэтому, если вы приведете хоть один известный вам пример из практики современной историографии (не только отечественной), в которой историк сознательно и открыто определяет свою исходную позицию как ретроспективную, то меня это только порадует. Попытки же вменить другим использование

ретроспективного метода обычно являются в историографии только лишь средством разоблачения с отчетливо выраженным привкусом инвективности. Я же в данном случае утверждаю необходимость применения к проблеме датировки начала города именно ретроспективного подхода, исходя из убежденного представления, о котором уже имел возможность высказываться, что в одном и том же хронологическом срезе мы можем иметь дело с несколькими «историями городов». И это зависит не только от хронологических масштабов среза, но и специфики функционирования урбанистических начал на разных этапах истории в рамках изучаемого пространства-территории. Надеюсь, что, по крайней мере, Т. В. помнит рассуждения, предложенные мной о Константинополе-Истамбуле, в которых предпринималась попытка обоснования того, что константинопольский период способствовал созданию исторически устойчивой урбанистической структуры, которая не могла быть стерта даже завоевателями, носителями принципиально иных цивилизационных основ и, поэтому, завоеватель мог переименовать город, снести купола Святой Софии, надстроить над ней минареты, что символизировало, на самом деле начало нового этапа в истории одного и того же города. В то же время, в модерной отечественной истории мы зачастую имеем дело с принципиально иной схемой исторического процесса. Дабы не утомлять вас и читателей аргументацией только от екатеринославско-днепропетровской истории, сошлюсь на прекрасный, на мой взгляд, пример, буквально на днях вычитанный мной из публикации мемуаров жандармского полковника Стогова: «— Батюшка, при Вас брали Одесс? Эх, братец, какой Одесс, мы брали Хаджибей. Мы с Дерибасом тихо подошли перед зарей, так тихо, что колеса у пушек были обмотаны паклей. Пришли и стоим, никто и шепотом не говорил. Только встало всходить солнце, смотрим: крепость тихо поднялась на воздух, покачалась, покачалась, да и развалилась надвое. После мы и строили Одесс»⁵. Эти слова и могут служить иллюстрацией на тему о «нескольких историях». Ваши же «оппоненты», О. И., в них в первую очередь обратят внимание на то, что задолго до Одессы, был «наш украинский» (или, кажется, татарский? Но уж точно, — не русский!) город Хаджибей.

Возвращаясь к началу истории Днепропетровска, считаю необходимым подчеркнуть, что в историко-генетическом отношении мы обязаны понять генетическую структуру какого «живого существа» мы хотим изучить. Близость генома высших приматов и современного человека только с очень большими оговорками позволяет неоеволюционистам говорить о единстве этих видов. По аналогии, конечно же, можно с еще большими основаниями видеть генетиче-

⁵ Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. — М.: Индрик, 2003. — С. 33.

скую преемственность между любым поселением на территории современного Днепропетровска, обнаруженным в разных временных отрезках. Но в эпоху появления на карте Екатеринослава, как, впрочем, и многих других городов, на территории его возникновения происходил очевидный цивилизационный сдвиг, осуществляемый в пространстве, где не сложилась еще до этого устойчивая городская структура, а, следовательно, это позволяло «цивилизаторам» осуществлять стирание тех элементов, которые в форме тенденций здесь уже себя проявляли, и начинать историю города в этой системе координат с «чистого листа». Хаджибеи можно было стереть, константинополи и киевы — нельзя! Там, где модернизация осуществлялась на почве сложившейся домодерной городской культуры (традиционного общества), там возможна претензия на подлинный континуитет. Где же она не успела сложиться, там эта претензия сомнительна по отношению к истории точно поименованного пространства, но вполне обоснованна при изучении истории территории (истории края). Так как региональная история в современном дисциплинарном пространстве исторической науки может иметь свою особую предметную область только в случае отказа от историко-территориального изучения, в котором территория изначально наделяется историком статусом региона, то и предлагаемый мною подход и может отвечать принципам регионально-исторического анализа в определениях начала «времени URBIS». В этих утверждениях безболезненно можно пожертвовать личными местоимениями...

И в заключение своего выступления считаю необходимым обратить внимание еще на один существенный момент в дискуссии на обсуждаемом нами круглом столе. Уважаемая Наталья Николаевна Яковенко заметила (цитирую по памяти), что невозможно в историю Рима (города) внести представления об историческом небытии Ромула и Рема. Меня особенно позабавила чья-то безымянная реплика: «Но их же действительно не было!». Признаюсь, что в момент прочтения мне очень захотелось увидеть автора этого возгласа, для которого действительно Ромула и Рема не было. Воистину сцена из «Мастера и Маргариты». Однако, не об этом речь, а о продолжении рассуждения Н. Н., «що людям потрібна забавка» и что не дело историков лишать их её. Это утверждение так же служит своеобразной «забавкой» для меня. Полагаю, что если бы в период формирования исторических мифов античного мира жили и действовали современные историки масштаба Н. Н., то тогда, действительно, можно было бы утверждать, что Ромул и Рем есть выдумка, придуманная волками и волчицами от власти, для «забавки» своих сограждан-подданных. Нам, живущим здесь и сейчас и носящим титул историка, действительно, вряд ли уместно бороться на уровне общественного сознания с устойчивыми историкотворящими мифами прошлого, но

наш долг и обязанность, насколько это возможно, способствовать если не разрушению или недопущению, то, по крайней мере, коррозии в общественном сознании искусственно создаваемых, а значит и сомнительно продуктивных новых мифологем, призванных способствовать созданию новых идеологических забавок...

Портнова Т. В.: С вашего разрешения мне хотелось бы вернуться к тезису Е. А. о краеведческой зависимости, тяготеющей над современными исследователями городов, и о возможных перспективах отечественных урбанистических исследований. Хотя первой реакцией сразу же становится желание возразить, отмежеваться от подобной характеристики, трудно не признать, что локальное видение в исследованиях городов продолжает доминировать. Даже несмотря на экспансию многочисленной теоретической урбанистической литературы, которую сегодня вроде бы уже невозможно не учитывать, а усвоить и адаптировать тоже не так-то просто. Поэтому среди поднятых в рамках киевского круглого стола, хотя и несколько вскользь, мне представляется значимым вопрос Н. Н. Яковенко о возможности применения исследовательских подходов, выработанных на материалах западноевропейского города, к городам украинским. Кстати, особый скепсис о правомерности их перенесения нередко высказывают именно относительно городов нашего региона, с их относительно непродолжительной урбанистической традицией и отсутствием на определенных исторических этапах ряда привычных элементов городского. Возможно, большее внимание к особенностям различных не вполне «классических» городских поселений и является одним из путей избавления от сугубо краеведческого видения?

Мне очень импонирует определение Е. А. «время URBIS» как процесс формирования собственно городского, складывание городоформирующих признаков, и представляется, что изучение сущности городского, в его украинском и региональных вариантах может стать важным компонентом современных урбанистических студий. Учитывая накопление значительного объема конкретной информации, следующим шагом, вероятно, станет изучение особенностей возникновения и развития городов определенных типов и регионов. Подобные исследования позволили бы причислить историческую урбанистику к региональной истории в самом академическом ее понимании, как дисциплину, стремящуюся подлинно показать общее через локальное, а не ограничивающуюся традиционной «биографией» города, интересной только его жителям.

Журба О. И.: Уважаемые коллеги, как мне представляется, наш разговор, хотя и вряд ли сможет оправдать ожидания тех, кто требует простых ответов на непростые вопросы, оказался полезным. Выявились и были уточнены важные исходные позиции, позволяющие расширить дискуссионное пространство по обсуждаемым вопросам. Прежде всего, мы оказались солидарны в том, что, несмотря

на общественное звучание урбанистической проблематики, её изучение требует максимального дистанцирования исследователя от «актуальных» идейно-политических задач на историческом фронте. Кроме того, в ходе нашего семинара, была предпринята, как мне кажется, плодотворная попытка предложить новые подходы, позволяющие преодолеть «детскую болезнь» состязания фактов, которыми конкурирующие позиции подкрепляют «свои» истории Города, механически заимствуя извне подходящие сюжеты.

Для нас оказалось важным не столько определение даты и поселения, с которых можно было бы вести отсчет истории конкретного города, а обсуждение и выработка подходов к поиску «городского» в специфической, особенной истории конкретного региона.

Считаю, что высказанная Е. А. мысль о «конкурирующих образах континуитетов», где непрерывность истории территории совсем не обязывает к непрерывности истории локальной и национально-государственной, заслуживает внимания, особенно в отношении истории регионов с быстро меняющимися цивилизационными характеристиками. Нельзя также не согласиться с тем, что предложенный Е. А. ретроспективный метод, хотя и требует, на мой взгляд, дальнейшего обсуждения, теоретической развертки, апробации на конкретном историческом материале, может быть одним из возможных путей преодоления теоретической немощи сегодняшних «городских историй».

Мне также представляется продуктивным призыв Т. В. сосредоточить усилия отечественных урбанистов не столько на «биографизации» городов, сколько на «изучении сущности городского в его украинском и региональном вариантах».

Со своей стороны, хотел бы отметить, что освоение украинскими историками урбанистической проблематики с претензиями на дисциплинарное становление урбанистики требует не только экстенсивных усилий, для которых найдется еще немало точек приложения, но и глубокой теоретической подготовки, а также высокой историографической культуры.